Текст · 26 декабря 2019, 07:47
Никита Сологуб,

«Не будем строить из себя дурачков и рассуждать о правосудии в России». Монолог уехавшего из страны фигуранта «московского дела» Сергея Меденкова

Дело в отношении 28-летнего Сергея Меденкова было возбуждено по части 1 статьи 318 УК (применение в отношении представителя власти насилия, не опасного для жизни и здоровья) 1 ноября. На следующий день его объявили во всероссийский розыск — следователь установил, что в начале сентября Меденков вылетел в Баку и в Россию с тех пор не вернулся. 14 ноября следователь заочно предъявил активисту обвинение, и он попал уже в международный розыск.

По версии следствия, во время демонстрации 27 июля Меденков «потянул за бронежилет» сотрудника ОМОН Максима Салиева, который пытался задержать одного из митингующих в Театральном проезде. 37-летний Салиев уже проходил потерпевшим по делу Евгения Коваленко, который получил 3,5 года колонии за брошенную в него урну. Меденков, как считает следствие, тоже применил насилие к бойцу Салиеву — вместе с Коваленко потянул его за бронежилет и попытался повалить на спину. «Чтобы не упасть и освободиться от такого захвата, я отступил и вынужденно выпустил задерживаемое мною лицо. <...> За бронежилет меня тянули силой, лишая возможности двигаться и причиняя физическую боль», — рассказывал омоновец на допросе.

Меденков, которого 21 ноября заочно заключили под стражу, рассказал «Медиазоне», почему он предпочел уехать из России (он не уточняет, в какой стране находится сейчас).

До задержания я, скажем так, условно, работал в IT. У меня богатый профессиональный бэкграунд, от пролетариата к IT — я работал и в магазине продавцом, и на складе кладовщиком, и на заводе практику проходил, когда в техникуме учился, и в итоге докатился до IT. Я не принадлежу ни к каким [политическим] организациям и группам. Я бы не стал относить себя по взглядам к какому-то четкому крылу, левому или правому. Я в принципе за рынок, за закон, ну и в принципе за социальное государство.

Я с 2012 года участвую в протестных акциях, с первого митинга на проспекте Сахарова. У меня было задержание однажды, но они поленились его оформлять, отпустили без протокола. Никакого участия в кампании кандидатов в Мосгордуму я не принимал, активизмом не занимался никогда, только участвовал в акциях. Скажем так, я старался, дать протестному движению столько, сколько получалось, то есть финансово пытался поддерживать, ну и выделял какое-то свое время [для участия в акциях].

Моя версия случившегося 27 июля не сильно отличается от мейнстримной. В тот день я принял участие в митинге за допуск кандидатов на выборы в Мосгордуму, я решил принять в нем участие. Принял осознанно. Соответственно, когда мы пытались подойти к мэрии, там произошла провокация со

стороны полицейских. Они разогнали, по сути, мирное собрание.

После собравшиеся разбились на несколько крупных групп. Это произошло совершенно стихийно, никто это не организовывал, то есть, буквально, была самоорганизация. И эти группы в попытках сойтись снова в какой-то одной точке — по крайней мере, так было в нашей группе — хотели устроить общее собрание в каком-то другом месте и начали курсировать по городу.

На пересечении[1] улицы Тверской и Рождественского бульвара нас встретил отряд полиции. На нас напали полицейские. Никаких оповещений, ничего. Они просто налетели. Думаю, они опасались, что эта группа движется к Кремлю. Причем основная группа, увидев полицию, кто вправо ушел, кто-то развернулся. А мы замешкались, и на нас полиция налетела.

Когда на нас напала полиция — хотя я только сейчас могу сказать, что это полиция, а тогда понять трудно было, тем более, сейчас это Росгвардия и не поймешь, кто есть кто — они начали избивать людей. Собаки лаяли, люди кричали.

На общем эмоциональном накале я попытался оттащить одного из нападавших, попытался защитить собравшихся от неустановленных тогда еще лиц, не представившихся, и одного схватил за броню, и попробовал его оттащить. Этот человек пытался осуществить задержание, задерживаемый сопротивлялся, на что имел полное право, так как действия были незаконные, никакими регламентами

не установлены — не имеют права полицейские, сотрудники ОМОН, задерживать, не представившись, по крайне мере, если нет каких-то экстренных событий, а их не было.

Он осуществлял незаконное действие, и человек имел право не проходить с ним в автозак. Я точно так же имел право получить разъяснение от него, скажем так, по поводу его действий. И я воспрепятствовал им. По сути, мы одного и того же с [Евгением] Коваленко человека схватили[2].

После этого момента с [броском мусорки Евгением] Коваленко все внимание ушло на него, меня не задержали. Немножечко рассосалась ситуация. Потом уже я пошел на Трубную, когда сообщения появились, что на Трубной общий сбор, встреча с кандидатами. Я понимал, что будут задерживать — это далеко не первая моя акция. Но я решил пойти на принцип и позволить себя задержать. Я оставался на площади, даже ничего не скандировал, просто сидел на скамейке и просто слушал. То есть меня со скамейки задержали, что само по себе незаконно.

Протокол был безграмотно составлен. В нем было написано, что меня задержали на Рождественском бульваре, что я участвовал в марше весь день, причем возле определенного дома — то есть это был ну, хоровод такой что ли, в их представлении. Там было трудно понять, кому что вменяют, протокол был составлен безграмотно. На них начальник матом орал, прям при нас. Мы сидим, он выходит: «Вы че тут понаписали, нас же ***** [отругают] и высушат».

После меня задержали на двое суток до суда, штраф 10 тысяч присудили. Я не был согласен с обвинением. Конечно, я старался обтекаемые формулировки выбирать, отрицать обвинение с тем, чтобы меня отпустили, так как, уже сидя в ОВД, читая новости, я понимал, что ситуация накаляется. Уже тогда было понятно, что «болотка» начинается вторая. Поэтому я уже не шел особо на принцип, не подтверждал свое участие в акции. И правильно сделал.

Я провел в России еще дней сорок. Я рассчитывал на оппозиционный подъем, плюс мне не хотелось бросать тех, кто уже был в заключении. Все последующие недели я приходил на все несогласованные мероприятия, все неофициальные мероприятия, и также на официальный митинг выходил. Потом на суде у Коваленко продемонстрировали видеозапись с его эпизодом, [где было видно и меня].

Я на этом суде не присутствовал — была бы, конечно, забавная ситуация. Я хотел пойти, причем в последний момент только не смог, а там продемонстрировали наш эпизод в очень хорошем качестве. Стало ясно, что задерживаться [в России] мне не стоит. Я с самого начала понимал, что [Коваленко] — это человек, который рядом со мной был. Я еще в ОВД начал анализировать, по каким ситуациям можно меня подтянуть, и эта ситуация очень хорошо под нее подходила.

«Московское дело». Суд над Евгением Коваленко

Изначально у меня были мысли о том, что надо свинчивать из страны, потому что и так ситуация так себе. Изначально они ведь совсем какие-то срока заламывали, до пяти, шести лет, еще организацию хотели пришить. Я еще подумал, а нас с Коваленко не попытаются ли притянуть по групповому эпизоду? Это было бы хуже и для него, и для меня. И я решил уехать.

Возвращаться я, конечно, не вижу смысла. Меня заочно арестовали. Я сразу приеду в СИЗО, из СИЗО поеду в тюрьму. Мы же не будем строить из себя дурачков и рассуждать о правосудии в России, о суде в России?

Все институты в России прогнили, все три ветви власти — они абсолютно себя дискредитировали. Говорить сегодня о полицейском как о полицейском очень сомнительно. Они не являются полицейскими — это мордовороты, которые работают по заказу. ЧОП при кремлевских ворах. Соответственно, и законодательная власть — это просто воровская власть, коррупционная, которая не желает ничего, кроме как нарушать закон. И судебная власть у них тоже только в прислугах. Чего ради я буду возвращаться? Да, я мог бы идейно сесть в тюрьму, но я не думаю, что это кого-то вдохновит, скорее наоборот.

Редактор: Егор Сковорода

1. Здесь Меденков ошибается, в реальности этот эпизод произошел на пересечении Театрального проезда и улицы Рождественка.
2. По версии следствия, 48-летний охранник железной дороги Евгений Коваленко толкнул сотрудника ППС Евгения Терещенко, а также сначала схватил бойца ОМОН Максима Салиева за жилет, а затем швырнул в него мусорную урну. Салиев же проходит потерпевшим и по эпизоду Меденкова.